

Ответный подарок дедушке

Цзин Вань вернулась в Дом Цветущих яблонь и после переодевания в более удобную одежду пошла посмотреть на те горшки с сокровищами, которые привезла в столицу из Циань Фу. Во время поездки о них не особо заботились, поэтому растительность несколько подзасохла. Цзин Вань даже волновалась, что они не смогут выжить. Однако за эти несколько дней они, похоже, вновь обрели жизненную силу. Радость Цзин Вань по этому поводу можно было практически пощупать. Затем, снова оглядев драгоценный горшок с чернильной орхидеей, у которой период цветения намеренно не продлевали, девушка, к своему удивлению, обнаружила, что та вот-вот расцветет. Одного этого оказалось достаточно, чтобы отодвинуть все свои заботы в сторону и полностью сосредоточиться на орхидее. Девушка чувствовала, что чем дольше она на нее смотрит, тем приятнее для глаз та становится.

Вот почему Цзин Вань была настоящим фанатом цветов.

Наглядевшись, Цзин Вань наконец-то встала и позволила служанкам подготовить кисть, тушь, бумагу и тушечницу. Она хотела рисовать, хотела зафиксировать весь процесс цветения чернильной орхидеи. В прошлой жизни бабушка научила рисовать ее в стиле традиционной китайской живописи, и тогда девушка точно так же сосредоточилась на цветах. А чтобы показать растения во всем их прелестном и нежном великолепии, она выбрала стиль гунби [1]. Около двух лет назад, начав учиться рисованию в этой жизни, Цзин Вань тоже использовала технику гунби. Учитель хвалил ее одаренность, и все остальные тоже сказали, что она очень хорошо рисует. Однако Цзин Вань не слишком задумывалась об этом.

Цзин Вань тонко набросала контур орхидеи. С той секунды, когда кисть коснулась бумаги, до момента ее остановки, это было единое неразрывное плавное движение. Всего девушка сделала четыре наброска. Во время процесса она больше не смотрела на горшок с цветком.

Гун момо внимательно оглядела эскизы, после чего обошла чернильную орхидею по кругу. Как и ожидалось, четыре наброска орхидеи совпадали с четырьмя ракурсами этого цветка. Такой уровень детализации, такая удивительная память, да еще и базовые навыки рисования. Возможно, стихотворения ей не удавались, и, возможно, навыки цинь и ци тоже были не очень хороши, но кто мог отрицать таланты этой барышни?

Вскоре после этого Цзин Вань добавила фоны для цветов орхидеи и начала слой за слоем накладывать краску.

Пока она жила в Циань Фу, в каком бы цвете она ни нуждалась, ей просто нужно было сообщить об этом слугам. И минимум за час, максимум за три-пять дней ей доставят краситель, пригодный для использования. Если не найдется готового, его заменят другим. Цзин Вань знала, что все это возможно из-за снисходительности Ло лаофужэнь. Она чувствовала глубокую признательность, поэтому использовала все эти труднодоступные материалы на полную катушку. В результате ее картины всегда были богатыми на цвета, выглядя так, как будто это был один и тот же цвет, но на самом деле на каждом новом слое использовалась другая краска.

Каждый раз законченная картина всегда доставляла людям наибольшее визуальное удовольствие. Изображение казалось исключительно живым.

Оставшуюся часть этого дня, помимо еды и небольших перерывов, Цзин Вань в основном потратила на рисование. До наступления ночи она наконец-то закончила четыре не такие уж и большие картины орхидей. Фоны, добавленные ею к цветам, давали людям ощущение какой-то фантастической грезы.

— Барышня так хорошо рисует, — служанки, возможно, не разбирались в искусстве, но понимали, что такое красота. Поэтому их восхищение было совершенно искренним.

Даже Гун момо, видевшая раньше немало хороших вещей, не могла сдержать свое восхищение.

Затем она подумала о тех томах "Поэзии всех цветов", написанных барышней, где каждая запись дополнялась изящным и бесподобным рисунком и достаточно подробной ознакомительной информацией. Попади эти книги кому-нибудь в руки, они, несомненно, стали бы в сто раз более ценными, чем самая дорогая порода цветов, лично выращенная барышней. Это было именно то, что называется: "вместо того, чтобы дать человеку рыбу, лучше показать ему, как рыбачить". Но многие ли из тех, кто получит нечто подобное, захотят расстаться с ним и поделиться с другими? Не говоря уже о том, что это никому не известный стиль живописи. Эти тома "Поэзии всех цветов" существуют в единственном экземпляре, они неповторимы. Спустя сотни и тысячи лет их ценность трудно себе даже представить. Хотя разговоры о деньгах неэлегантны, тем не менее, это самый прямой способ проиллюстрировать ценность этих книг.

В следующие несколько дней Цзин Вань тратила на рисование всю свою энергию. Она не ходила к бабушке и не занималась с домашним наставником, а что касается приготовления румян, мазей и чего-то подобного, то об этом и упоминать не стоило. И после того, как Ло лаофужэнь узнала, чем занимается ее внучка, она позволила ей "бездельничать".

На картинах понемногу расцветала чернильная орхидея, пока взору не предстала ее самая красивая форма.

В общей сложности получилось сорок рисунков. Хотя формат был не таким большим, процесс все еще довольно сильно утомлял. Цзин Вань наконец-то вышла из этого возбужденного состояния. Она, вероятно, не прикоснется к кисти по меньшей мере дней десять с небольшим.

Приводя в порядок иллюстрации, она любовалась ими одной за другой. На этот раз результаты оказались очень хороши, и Цзин Вань была довольна. Тем не менее, она все еще чувствовала: это стало возможным главным образом потому, что сам цветок очень красив. Он доставлял ей огромное удовольствие, позволяя по собственному желанию превращаться в "рабыню цветов".

Цзин Вань чувствовала, что этих картин в дополнение к "Поэзии всех цветов" достаточно, чтобы стать для дедушки ответным подарком.

За эти несколько дней произошло кое-что, что стоило упоминания: младшая дочь Сунь лаофужэнь, жена Чэн цзюньвана и мать Ли Жу Юй, вскоре после банкета в городской резиденции герцога Дина притащила туда свое насквозь больное тело. Некоторые видели, как она, смертельно бледная, входила туда и уходила с опухшими красными глазами. Если сказать, что в этом не было ничего преднамеренного, то никто не поверит. В конце концов, разве герцогская резиденция из тех мест, куда легко могли проникнуть посторонние?

Затем возник вопрос о том, что Сунь И Линь все еще не определился с кандидатурой будущей невесты. После этого он принял положение писца внутреннего двора, дарованное императором. Хотя ранг у этого поста всего лишь седьмой, но занимающий его мог часто видеть его величество, так как должность предполагала частое сопровождение правителя. Кроме того, в свободное время он отвечал за чтение. Поэтому, естественно, можно было легко узнать разного рода ситуации, касающиеся его величества. В общем-то даже всякого рода "крутые боссы" вынуждены теперь с осторожностью вести себя с таким человеком. Им вообще нельзя недооценивать Сунь И Линя. Вскоре появились слухи о том, что он не в ладах со своими старшими братьями.

Потом, сразу после этого, Сунь И Цзя начали выбирать мужа. Никто не знал, сделано ли это ради того, чтобы отмежеваться от Кан циньвана, но этот вопрос освещался очень широко. Даже гунчжу, вероятно, не будет так скрупулезно отбирать кандидатов в мужья [2]. Многие гадали, кто мог бы сорвать этот цветок с высоких вершин. Хотя она представила танец во время банкета в городской резиденции герцога Дина, тогда для этого имелась причина, так что большинство хвалили ее за преданность.

Его величество лично написал указ и похоронил Кан циньванфэй, используя церемониал для похорон жены наследника престола. Люди пытались предугадать, насколько это демонстрировало определенные вещи. Затем, во время траура по Кан ванфэй, Кан циньван принял цэфэй, все посчитали, что это последнее желание Кан циньванфэй. Принятая женщина была ее младшей сестрой по крови, видимо, она надеялась, что та сможет позаботиться о ее детях.

Наконец, состоялась свадьба шицзы маркиза Уаня. Девушка, на которой он женился, естественно, не имела выдающегося статуса, но могла считаться сносной. И практически все семьи высшего сословия столицы от аристократов и младших членов императорской семьи до всяких должностных лиц отправили поздравительные подарки. Конечно, не стоило рассчитывать на то, что они были ценными. Более щедрые просто следовали стандарту, а большинство не стали посещать торжество. Часть плыла по течению, целенаправленно избегая маркизата Уань, а некоторые не хотели доставлять им неудобства. Если придет слишком много людей, они не смогут развлечь их всех, что весьма неловко, кроме того подобное было сродни пощечине императору. В конце концов, его величество так "ценит" и "уважает" маркизат Уань. Семья Ло, естественно, принадлежала к последним.

Эти события происходили одно за другим, можно сказать, что это походило на эффектную и содержательную программу, особенно с учетом герцогской резиденции Дин. Та сильно выделялась, оставаясь в центре внимания. Энтузиастам-сплетникам всего этого оказалось более чем достаточно для продолжительных обсуждений.

Цзин Вань знала внутреннюю ситуацию маркизата Уань, но ей только и оставалось, что бесконечно вздыхать. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти [3], хотя этот процесс сильно затянулся. На ее взгляд, потомкам маркиза, сопровождавшего основателя правящей династии, оказавшимся в таком затруднительном положении, лучше походить на другие семьи и просто впадать в упадок. Так, по крайней мере, люди все еще останутся живы. Конечно, это были только собственные мысли Цзин Вань. Она никогда не общалась с ними раньше, поэтому не смела строить какие-либо самонадеянные догадки.

В эти несколько дней приезжали и другие родственники, навещавшие их по очереди, просто Ло лаофужэнь не звала ее, чтобы приветствовать их.

После того, как главный министр Ло вернулся из ямэня, Цзин Вань собрала свои вещи и направилась прямо в его кабинет.

Цзин Вань не знала, что ее собственный дедушка, вернувшись домой с работы, все еще трудился в поте лица, воспитывая своих сыновей и внуков. Вот почему после получения разрешения на посещение кабинета она увидела своего отца и дядюшек, а также братьев, стоявших рядком. Со стороны казалось, что их наказывали. Она невольно замерла. Может, ей стоит вернуться, а затем найти другое время для визита? К сожалению, Ло Пэй Шань уже пустил ее, разве он мог просто позволить ей уйти, ничего не сказав?

Раз уж пришла, она могла остаться. Через несколько секунд Цзин Вань успокоилась, воспринимая произошедшее философски. Обведя всех взглядом, она должным образом выразила свое уважение.

— У третьей девочки есть какие-то вопросы? — спросил Ло Пэй Шань, когда его взгляд упал на поднос в ее руках.

— Разве эта внучка не получила от дедушки сокровище? Нужно же мне выразить свою благодарность или нет? — она поставила поднос перед Ло Пэй Шанем.

— Вот как? — Ло Пэй Шаню стало любопытно, и он поднял атласную драпировку. Когда он увидел картины чернильной орхидеи, выражение его лица немедленно изменилось. Он осторожно дотронулся до них, долго рассматривал, а затем отодвинул первый лист и увидел следующий. Идентичный, но в то же время другой, хотя столь же потрясающе красивый. Ло Пэй Шаню и хотелось посмотреть на другие картины ниже, но одновременно он не желал и спешить.

[1] О гунби можно прочитать в главе Исторические заметки: культура и искусство

[2] О мужьях императорских дочерей читайте в главе Исторические заметки: титулатура

[3] Если вы читаете или читали "Возрождение злобной императрицы из военной династии" (отличная вещь, искренне рекомендую), то там эта идиома используется весьма часто — 兔死狗烹 — когда заяц убит, из собаки варят похлебку (обр. в знач.: устранять, уничтожать за ненадобностью; забыть былые заслуги; мавр сделал свое дело, мавр может уйти)

Мне захотелось перевести именно как "мавр сделал свое дело, мавр может уйти", чтобы показать, что Цзин Вань — человек, реинкарнировавший из современности

<http://tl.rulate.ru/book/19909/765474>